

ЭКОНОМИКА РОССИИ: АНАЛИЗ И КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ

ЕГОР ГАЙДАР

Краткосрочное прогнозирование экономических процессов в России является задачей достаточно легкой и не требующей высокой квалификации. Когда в апреле 1994 года правительство под напором коммунистов и аграриев дрогнуло и пошло на резкое увеличение бюджетных доходов (бумажных, разумеется), оно тем самым сделало неизбежным примерно двукратное увеличение темпов роста денежной массы по сравнению с периодом октября 1993 - марта 1994 года и задало всплеск инфляции осенью 1994 года. Еще летом того же года под влиянием инерционных факторов процентная ставка шла вниз, снижалась инфляция, был стабильно прогнозируем валютный курс, росла доля сбережений в располагаемых доходах населения и росла доля кредитов общего объема. То есть проявлялись все те характерные, позитивные процессы, которые служат базой стабилизации. Однако с июля-августа 1994 года ситуация стала быстро меняться: резко подскочил спрос на валюту, начали сокращаться валютные резервы. С сентября прошлого года дестабилизировался валютный рынок, пошла вверх инфляция. С октября - пришлось резко повышать процентную ставку, кредитная активность вновь была сосредоточена в основном на валютном рынке и рынке краткосрочных финансовых операций. Любые надежды на какое-то кредитование промышленности оказались в полной мере иллюзорными.

Тогда, в октябре 1994 года правительство России оказалось перед выбором: либо отказаться от проведения стабилизированной политики вовсе, поддаться растущему нажиму, войти в режим хронически высоких темпов инфляции и тем самым подорвать какие бы то ни было политические перспективы для себя. Либо - существенно ужесточить проводимую политику, извлечь некоторые уроки из опыта компромиссов и колебаний предшествующих 2,5 лет, предложив программу, которая позволила бы в 1995 году наконец серьезно продвинуться в денежной стабильности и, соответственно, к созданию предпосылок экономической стабилизации и роста.

Правительство, к счастью, сделало выбор в пользу второго варианта и предложило программу, не лишённую серьезных изъянов, но дающую надежду на достижение стабильности. Сутью программы было сокращение

дефицита бюджета (правда, не очень радикальное - примерно до величины около 7% в годовом исчислении) при прекращении кредитования этого дефицита за счет эмиссионных кредитов Центрального банка и покрытия его из двух источников: кредитов международных финансовых организаций и неэмиссионного кредитования за счет операций на рынке государственных ценных бумаг. Программа эта не бесспорна, не лишена риска, но она давала некоторые шансы на успех.

Однако, к сожалению, удар по этой программе был нанесен еще до того, как она начала реализовываться. Это произошло в конце прошлого года, с началом военных действий в Чечне. Причем речь идет не только о прямом финансировании военных операций, хотя и это - само по себе - достаточно ощутимо для экономики. Декабрь (начало боевых действий в Чечне) резко подстегнул инфляционные ожидания: когда страна воюет, естественно, повышается спрос на доллары. Совершенно справедливо предполагают, что раньше или позже придется платить по имущественным счетам и, естественно, закладывают в свое поведение оценки предстоящей инфляции.

Мы проводим исследования инфляционных ожиданий предприятий. Опросы показали, что в период ноября-декабря 1994 года прирост инфляционных ожиданий был рекордным за весь период наблюдения. Инфляционные ожидания оставались очень высокими и в январе текущего года, хотя сама по себе инфляция в декабре 1994 года и в январе нынешнего еще тесно была связана с последствиями весенне-летней "денежной накачки". Она находилась на уровне 17% в месяц, и в ней явно сказались влияние инфляционных ожиданий, что оказало серьезное воздействие на ситуацию на валютном рынке. Ежегодно в декабре месяце в России, как правило, растет предложение валюты в связи с "закрытием" балансов в банках. Между тем, в декабре 1994 года почти не наблюдался рост предложения валюты. А с начала 1995 года пошла лавина ажиотажного спроса на валютном рынке и следовательно резко снизились валютные резервы.

В этой ситуации чисто экономически было бы разумно провести девальвацию, снизить курс рубля по отношению к доллару по крайней мере на 15%. Ведь помимо всего прочего в период стабилизации мы входили с завышенным курсом рубля по отношению к доллару. Но, во-первых, валютные резервы были слишком ограничены, и существовал риск того, что девальвация повлияет на дальнейший ажиотажный спрос на валюту; во-вторых, - существовал риск чисто политический (в январе девальвация неизбежно означала бы отставку нынешнего правительства и похороны всей стабилизационной программы). Поэтому пришлось проводить

предельно сдержанную политику постепенного повышения курса доллара по отношению к рублю, маневрируя валютными резервами, а также предельно повысив процентную ставку - как учетную ставку Центрального банка, так и норму доходности по государственным казначейским обязательствам (ГКО).

Было нанесено сразу несколько ударов по бюджету и по всей макроэкономической программе. Первое - сокращены возможности стабилизации за счет увеличения доходов от ГКО, второе - выросли расходы на обслуживание долгов, связанных с ГКО; третье - появились дополнительные расходы на чеченской войне. И, наконец, четвертое: развитие чеченских событий не могла не привести к отсрочке практической реализации соглашений с Международным валютным фондом. Если правительство России рассчитывало, что деньги от МВФ реально пойдут со второй половины января, то, конечно, для всех было ясно, что Международный валютный фонд по меньшей мере существенно отложит срок заключения соглашений до того времени, пока ситуация прояснится. Это означало, что в первом квартале мы должны были бы начать осуществление жесткой стабилизационной программы, пытаясь прекратить кредитование бюджета из Центрального банка; у нас должно было бы снизиться финансирование с ВПО, и - параллельно - возрасти расходы по финансированию долга в связи с повышением процентных ставок, учитывая, что кредиты МВФ не приходят вовремя.

В этот момент правительство оказалось перед очень неприятным выбором: либо сдать, соответственно расширив ассигнования, вновь пойти на эмиссионные кредитования со стороны ЦБ, и значит, полностью похоронить идею программы, похоронив одновременно соглашения с МВФ, а также и бюджет на 1995 год, т.е. забыть все свои надежды на стабилизацию. Либо - попытаться решить эти проблемы за счет очень жесткой политики финансирования, практически компенсировав весь этот комплекс расходов, снизив, разумеется, ассигнования по всем направлениям, включая социальную сферу и т.д. Но если первое решение, на мой взгляд, было просто катастрофичным, то второе - лишь отчасти рискованным. Правительство в целом объединилось в пользу второго решения. Это позволило сохранить надежды на благоприятное развитие событий и в течение января-марта этого года радикально переломить ситуацию.

Я являюсь оптимистом в оценке шансов на успех стабилизационной программы правительства на 1995 год. Во-первых, с января по апрель у нас был примерно нулевой рост денежной базы. Недавно ситуация резко изменилась: в январе денежная база резко сокращалась в связи с ростом

спроса на валюту, в феврале-марте (тоже, в основном в связи с развитием событий на валютном рынке) - росла. Однако, в целом, по нашим, пока предварительным, данным, рост денежной базы и денежной массы за период с 1 января по 1 апреля 1995 года был очень близким к нулю. Это значит, что на смену ужесточения денежной политики октября-декабря прошлого года, когда темпы роста денежной массы снизились до 6% в среднемесечном исчислении, пришел период очень жесткой денежной рестрикции с нулевыми темпами роста денежной массы с января по апрель. Отсюда - совершенно неизбежный перелом ситуации на нескольких видах рынка, из которых, как всегда первым реагировал рынок валют. С февраля начинается рост предложения валюты, с марта - восстановление валютных резервов, что существенно расширяет свободу маневра для правительства. Темпы инфляции снижаются медленно. Медленнее, чем могли бы, учитывая высокие инфляционные ожидания. Они составляют около 17% в январе, падают до 11% в феврале и примерно 9% в марте. Иначе говоря, инфляция в этом году устойчиво идет на убыль, и совершенно очевидно, что будет идти на убыль и в дальнейшем.

До середины марта (этого года) рынок в целом не "осознавал", что стабилизация в России это реальная перспектива. Сознание это очень заметно по рынку валютных фьючерсов, который полностью был ориентирован на ожидание падения курса рубля примерно такое же до конца года, как оно происходило в первые месяцы. Уже в конце февраля-марте падение курса рубля во многом было искусственным. Центральный банк как бы проводил молчаливую девальвацию, чтобы стабилизационные процессы не начались при завышенном курсе рубля по отношению к доллару. И именно поэтому в феврале падение рубля по отношению к доллару составляло 11%, а в марте - чуть меньше 10%. Средняя заработная плата в долларовом исчислении сознательно была снижена до величины около 80 долларов в месяц. Еще на исходе февраля рынок ожидал курса примерно 7,5 тысяч за доллар США к концу августа и 9 тысяч - к концу года. Только с середины марта рынок отреагировал на грядущее радикальное изменение основных тенденций. Началось лавинообразное снижение фьючерсов на валюту; они падали примерно на 500 пунктов в месяц в течение недели. У правительства сейчас есть набор вариантов в области валютной политики, политики обменного курса и политики процентной ставки. Запрограммировано резкое падение темпов обесценения рубля, начиная с мая; резкое падение процентной ставки по государственным казначейским обязательствам, чуть отстающее от падения темпов обесценивания рубля. Отсюда возникает некая свобода маневра для правительства и достаточно простой выбор. Это выбор между более

быстрым снижением темпов инфляции и более стабильной ситуацией с платежным балансом и положением экспортеров.

В целом для правительства России сейчас в полной мере открыта (особенно, учитывая, что со второй половины апреля придут кредиты Международного валютного фонда и, соответственно, возникают проблемы их размещения на валютном рынке) возможность в конце апреля - начале мая с.г. *de facto* зафиксировать курс рубля по отношению к доллару. Разумеется, не объявляя об этом. (Наш рынок очень болезненно реагирует на всякие объявления о фиксированных курсах).

Речь идет о том, чтобы реально остановить рост этого курса, маневрируя резервами Центрального банка и покрывая ими разницу спроса и предложений. В этом сценарии мы, конечно, получили бы более быстрые торможения инфляции, ибо снимаем инфляционную инерцию и быстрее снижаем инфляционные ожидания. В этом случае можно было бы в целом рассчитывать на то, что инфляция с июня-июля 1995 года вряд ли превысит 3% в месяц в среднемесячном исчислении.

Можно использовать более мягкий режим, при котором рубль будет обесцениваться равномерно на заданный процент в месяц, причем обесценивание его по отношению к рублю будет несколько отставать от темпов инфляции. Скажем, с начала мая мы зададим траекторию, в рамках которой курс рубля по отношению к доллару равномерно падает на 2% в месяц на протяжении последующих месяцев до конца нынешнего года. Это означало бы и более мягкий режим для экспортеров. В долгосрочной перспективе этот вариант гарантирует большую устойчивость развития, особенно если принять во внимание мексиканские события и извлечь из них уроки. Разумеется, это будет сдерживать темпы деинфляции. Но все равно продолжающееся падение курса рубля приведет к тому, что темпы инфляции будут чуть выше, чем они могли бы быть при фиксированном курсе или при повышающемся курсе рубля по отношению к доллару.

Можно было бы в наиболее жестком режиме задать и стратегию последовательной ревальвации рубля, примерно 1% в течение месяца. Но в целом очевидно, что в рамках тех альтернатив, которые я назвал (они ведь очень ограниченные), это означает (в любом варианте) низкие темпы изменения курса рубля по отношению к доллару. Это влечет, соответственно, утрату привлекательности валютных спекуляций и операций на валютном рынке, а также совершенно неизбежно приводит к росту привлекательности ГКО и падению процентной ставки по ГКО, росту котировок ГКО. Учетную ставку Центрального банка, так или иначе, придется снижать. По моему мнению, в середине апреля с.г. она будет снижена, хотя и будет несколько отставать от темпов снижения рыночной

процентной ставки. В целом, считаю, есть надежды на то, что во второе полугодие 1995 года Россия войдет с прогнозируемой динамикой курса, с устойчиво низкой инфляцией и с существенно сниженной процентной ставкой. Тем самым, открывая себе дорогу для благоприятных изменений в российской экономике, в том числе и для постепенного перераспределения активности на кредитном рынке - для кредитования народного хозяйства.

В России идет длительная дискуссия о том, какова будет инфляция к концу 1995 года. Правительство записало в соответствующем меморандуме - 1% в конце текущего года. Многие говорят, что это невозможно. Я бы вообще отказался от обсуждения этого вопроса. Дело в том, что при инфляции (тем более, ниже, чем 3% в месяц) существенную роль начинают играть инерционные факторы. Точно так же, как развитие событий, которое убедительно показало, что при высоких инфляциях (больше 100% в месяц) все разговоры про структурные факторы - просто полная ерунда. Она (инфляция) вполне адекватно объясняется феноменами спроса и динамикой денежной массы. Точно так же ясно уже сегодня, что при инфляциях в диапазоне между 50% и 100%, условно говоря, игнорировать их нельзя. К тому же очень трудно прогнозировать динамику валютных резервов. А если трудно прогнозировать динамику валютных резервов, то совершенно неизбежно есть дополнительный элемент неопределенности в оценке динамики цен. Если нам удастся войти в режим, при котором темпы инфляции составят в среднемесечном исчислении около 3% в месяц, этого будет вполне достаточно для радикального изменения в проведении хозяйственных агентов, в отношении рынков, изменения перспективы в российской экономике, в перераспределении приоритетов в системе кредитования и т.д., и т.п. Это в общем тот фон, который, как показывает опыт, позволяет надеяться на начало промышленного подъема, по крайней мере, по многим отраслям народного хозяйства!

В ближайшие 3 месяца нынешнего года падение производства, скорее всего, будет продолжаться. Более того, этот процесс даже может ускориться на фоне неизбежного повышения реальной процентной ставки в апреле, мае, июне при дефинфляции. Но это не страшно, поскольку уже сейчас стали обозначаться отрасли растушие. В первую очередь, это, конечно, экспортные отрасли - черная металлургия, цветная металлургия, химия, целый ряд отраслей машиностроения и др. Пока еще продолжается падение в легкой, пищевой, лесной промышленности, в некоторых отраслях машиностроения. Но в целом есть надежда на то, что если финансовые условия будут созданы, то со второго полугодия (особенно с конца нынешнего года) промышленное производство может стабилизироваться и даже начать расти, особенно по отдельным отраслям.

Буквально несколько слов о *структурных реформах*. В России очень затянулся переход от предшествующего ваучерного этапа приватизации к приватизации денежной. В значительной степени здесь сказались чисто кадровые просчеты: было очень неудачным решение о назначении нового председателя Госкомимущества. Назначили человека, который вместо того, чтобы проводить приватизацию, решил проводить ренационализацию. Это, конечно, вызвало некоторый хаос в работе самого Госкомимущества и парализовало его примерно на полгода. Между тем, надо сказать, переход от ваучерной приватизации - это некий плавный процесс без стыков. Это совершенно радикальное переструктурирование деятельности, это огромное изменение в характере работы, это огромная организационная задача, которую решать почти так же трудно, как осуществлять первый этап ваучерной приватизации. Сейчас, мне кажется, ГКИ наконец вышел из этого периода разброда и шатаний после господина Поливанова. Есть надежда, что где-то с апреля-мая процесс денежной приватизации в России пройдет намного динамичней, чем в предшествующие 3 месяца.

Ключевая проблема в области отношений собственности, которая уже становится явной, это, пожалуй, даже не сама приватизация, а обеспечение гарантий собственникам. Характерная борьба сегодня - это борьба между собственником и директором завода, когда директор завода склонен не пускать собственников на порог предприятия и желает вычеркнуть их из реестра акционеров. Эта борьба будет тяжелой. Здесь много зависит от того, в какой степени органы государственной власти смогут энергично защитить права собственников. Без этого, разумеется, нет никаких надежд на наведение порядка в экономике. По нашему опыту я могу сказать, что на тех предприятиях, куда пришел эффективный собственник и установил свой контроль, начинают совершаться подобные радикальные (и как бы для многих неожиданные) перемены. Именно там, например, начинают сразу выплачивать заработную плату, исчезают проблемы с неплатежами (уже просто потому, что перестают работать через фиктивные счета), именно туда совершенно естественно начинают приходиться инвестиции. Это сегодня настолько очевидно в России, что становится ясным и то, насколько будущее российской экономики зависит от нашей способности эффективно и надежно защитить права собственника.

Хронически тяжелейшая наша проблема - это, разумеется, аграрная реформа. У нас эта сфера была "провальной" почти с самого начала. Во всяком случае, с весны 1992 года, когда господин Руцкой был назначен "главным реформатором" в сельском хозяйстве. И - в полной мере - с начала 1993 года, когда эта сфера перешла под строгий, жесткий контроль аграрной партии, как в Москве, так и по всем регионам России. Сутью

политики, которую они пытались проводить на протяжении последних двух в половине лет, была концепция "не пустим рынок в деревню". Но если в целом страна постепенно начинает жить на рыночных основаниях, а один сектор пытается изолироваться от рынка, то наиболее страдающим, как не трудно догадаться, окажется именно этот самый сектор. Поэтому нет ничего более разорительного для нашей деревни, чем продолжение подобной политики.

Реальной, главной проблемой для российского села является проблема ликвидных оптовых рынков, своевременных платежей за свою продукцию. Преследовалась реальная, так сказать, цель - чтобы рынки закрыть и одновременно ограничить право вывоза, заставить продавать продукцию коммерческим структурам, созданным администрациями. Потом - не заплатить вовремя. А тем временем - "крутить" деньги в родственных коммерческих структурах. Короче говоря, здесь возникает неприятная система с положительно-обратной связью: аграрный кризис, крик о тяжелом положении деревни, убывание денег из государства, направление денег в коммерческие структуры, неплатежи коммерческих структур, крупные доходы коммерческих структур. Снова: крик в деревне, внедрение кризиса, убывание дополнительных средств из государства, которые идут в те же самые коммерческие структуры.

В определенном смысле, как я думаю, сегодня руководящие аграрии в России - это сила, которая больше всех заинтересована в том, чтобы в деревне был кризис, стоял крик о помощи. Потому что в противном случае им нечего будет делать, нечего перераспределять. Возникнут большие проблемы их политической и хозяйственности значимости. В целом, что необходимо делать - понятно. Но вместе с тем ясно, что любое продвижение вперед будет очень трудным. Поскольку именно эта политическая сила очень хорошо организована и в Государственной Думе, и в местных областных собраниях. Она довольно успешно блокирует любые возможности реального продвижения вперед. Еще в прошлом году в Государственную Думу был внесен проект вполне разумного, скажем так, "Закона о земле", предполагающего регулируемую частную собственность на землю с правом залога. Но и этот законопроект пока нет никаких шансов провести через нашу Госдуму.

В важнейшей области - законодательства - также есть целый ряд вещей, стоящих на повестке дня, которые до сих пор остаются неурегулированными. Правда, есть некоторые надежды, что их удастся урегулировать до конца этого года. Первая серьезная проблема - отсутствие нормального законодательного урегулирования рынка ценных бумаг. Миллионы россиян, как известно, стали жертвами крупномасштабных

операций на финансовом рынке "пирамидальных" структур, тех структур, которые берут деньги для того, чтобы их никогда не отдавать. В значительной части российской рекламы была полностью исключена необходимая правдивая информация для населения.

Важные новации необходимо вносить в уголовный кодекс. В России уголовный кодекс до сих пор во многом не отражает рыночные реальности. В нем нет, в частности, ответственности за целый ряд наиболее характерных экономических преступлений. В первую очередь - это проблема неплатежей. Проблема неплатежей (частично она, конечно, связана с проблемой государственного бюджета и завышенных доходов госбюджета) - это проблема низкой финансовой ответственности и воровства. Когда деньги по контрактам поступают не на счет предприятий, а на счет родственных коммерческих фирм. В этой связи ужесточение ответственности за неплатежеспособность, за банкротство - это как раз единственное, что может переломить ситуацию с платежной дисциплиной. А у нас в уголовном кодексе нет статей, которые есть фактически повсеместно. Например, статей об ответственности за ложные и фиктивные банкротства. Короче говоря, России нужна целая законодательная программа, суть которой очень проста - это всемерная защита прав собственника, потому что защита его прав - не личное дело собственника, а в условиях экономики, зависимой от частных инвестиций, - это защита экономических перспектив государства.

И все же, несмотря на все риски, на мой взгляд, шансы экономической стабилизации в России в 1995 году остаются высокими. Есть надежда на то, что пройдя длинный, трудный, слишком медленный и полный колебаний путь российская экономика все же сможет встать в 1996-1997 годах на путь устойчивого экономического роста. Главный вопрос, который в этой связи встает, не приведет ли развитие политического процесса к тому, что как раз тогда, когда этот путь почти пройден, Россия еще раз попытается прыгнуть куда-то назад. Туда, куда прыгнуть уже вообще невозможно.

Егор ГАЙДАР - председатель фракции "Выбор России" Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор экономических наук.